

СТИХОТВОРЕНИЯ.

IL PIANTO.

Да! грустно на землѣ одно лишь зло
встрѣчать,
Настравать свой стихъ на стонъ и вопль
кручины,
На ясныхъ небесахъ бѣгъ тучи подмѣчать,
Въ лицѣ смѣющемся отыскивать морщины.
Счастливы вы, кому дано въ удѣлъ
Въ искусствѣ знать одно лишь наслаж-
денье!
Но я! когда бы мнѣ возможно было пѣнье
О нѣгѣ и любви, когда бы я запѣлъ
О милой дѣвушкѣ, мечтательной и стройной,
О да! и у меня живой и безпокойный
Родился бы свой миръ и заронилъ сны;
Я пѣлъ бы васъ, луга, и васъ, красы весны,
И въ пѣсняхъ бѣшеныхъ, въ капризахъ
вдохновенья,
Я перешелъ бы жизнь безъ грома и вол-
ненья.

* * *

Но голосъ внутренній, онъ говоритъ въ
поэтѣ,
Что каждому изъ насъ дана и роль на
свѣтѣ,
Что каждый изъ людей, отпущенныхъ землѣ,
Несетъ клеймо судьбы въ груди и на челѣ;
И долженъ человекъ, наперекоръ желанью,
Идти путемъ своимъ и слѣдовать призванью;
И встрѣчному поклонъ! неопытную руку
Ему подай ты, другъ, но кто онъ — не смотри;
Иди, иди впередъ, носи и трудъ и скуку,
Жди ночи, а за ней — загадочной зари.
Я лекарь и меня судьба къ тому призвала;
Моя больница — миръ. Я поднялъ одѣяло,
И чтобъ отъ гноя ранъ не прострадалъ
больной,
Я пальцы наложилъ на раны и на гной!

н. с.

29 мая 1857.

СТАНСЫ.

(ИЗЪ БАЙРОНА).

Намъ нельзя полуночныхъ гуляній
Продолжать въ часъ всеобщаго сна,
Хотя сердце ждетъ тѣхъ же свиданій,
И луна, какъ и прежде, ясна.

Отъ клинка протираются ножны,
Отъ страстей разрывается грудь;
Нуженъ сердцу покой невозможный,
Да должна и любовь отдохнуть.

И хоть ночь создана для лобзаній,
Тѣхъ лобзаній, что дню не видать,
Мы съ тобой полуночныхъ гуляній,
Милый другъ, не должны продолжать.

н. с.

19 мая 1857.

Далека ты отъ насъ, недвижима
Боевая исторія Рима;
Но надъ повѣстью многихъ страницъ
Даже мы преклоняемся ницъ!

А теперь въ славномъ Римѣ Французы
Наложили тяжелые узы,
И потомокъ Квиритовъ молчить
И съ терпѣниемъ сносить свой стыдъ!

н. с.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

У тебя есть алмазы и перлы,
Все, милочка, есть у тебя,
У тебя есть прекрасные глазки,
Чего-жъ тебѣ больше, дитя?